

Парадигмальная загадка марксовской философии истории

Михаил КОТЕЛЬНИКОВ

Сталинизм как фактор модернизации под знаменем марксизма

Аннотация. Согласно проводимым периодически в последние годы социологическим опросам И.В. Сталина в той или иной степени неизменно симпатизирует более половины населения России. А в глазах молодого поколения он подчас и вовсе приобретает статус не только «гениального вождя всех времен и народов», но и, выражаясь современной терминологией, продвинутого «эффективного менеджера». При этом именно грубейшие теоретические ошибки, допущенные Сталиным и его окружением, которые сплошь и рядом становились причиной преступлений против собственного народа, в нашей литературе исследуются крайне недостаточно. В рамках настоящей статьи предпринимается попытка восполнить этот пробел на основе диалектической методологии и текстуального анализа.

Ключевые слова: «генетически модифицированная» сталинская версия марксизма, «инстинктивный» марксизм, гражданское общество, «государственно-феодальный социализм», «реальный социализм», принцип «первенства политики над экономикой», принцип «политической целесообразности», социалистический идеал, позитивная мобилизация, «правительственная партия», троцкизм, «генеральная линия партии», «перманентная революция», концепция «построения социализма в одной стране», «полная победа социализма», «окончательная победа социализма», диктатура пролетариата, диктатура партии, диктатура вождя, партократия, «революционная законность», «разжигание классовой борьбы», «сплошная коллективизация», внеэкономическое принуждение, кооперация, «товарность», «устойчивость», «рентабельность» сельскохозяйственного производства, «сплошная» коллективизация, колхознокооперативная форма собственности.

Советскую модель социалистического общества нередко именуют «государственным социализмом». Этот термин, отмечает В.Н. Шевченко, по сравнению с понятием «раннего» социализма, «видимо, точнее всего передает специфику советского социализма».¹ И, действительно, особенностью российской истории является традиционно весьма значительная, в отличие от Запада, роль государственного аппарата во всех социальных преобразованиях.

Поскольку она определяется «абсолютным превосходством вертикали власти над горизонтальными связями гражданского общества», правомерно утверждать, что «в советском обществе был воспроизведен инвариант устройства власти, который остается свойственным России даже и в сегодняшнее постсоветское время».² Но своеобразие советского социализма не исчерпывается его государственно-образующей природой. Не меньшее, если не большее значение имело то обстоятельство, что задачи модернизации России не могли быть решены без использования некоторых атрибутов полуфеодального характера. Наследие докапиталистического прошлого было, разумеется, соответствующим образом переупаковано, но представлено, тем не менее, достаточно зримо.

Признаки феодализма легко угадываются и во внеэкономическом принуждении к труду, и в модификации сословно-бюрократической социальной структуры, и в столь

¹ См.: Шевченко В.Н. Советская модель социалистического общества: причины поражения // Исторические судьбы социализма. М., 2004. С. 52.

² Там же.

же «разрушительном» для формирующегося типа экономики воздействию товарно-денежных отношений. Не сумевший *органически* «встроить» рыночные отношения в структуру народно-хозяйственного комплекса и потому рухнувший в феврале 1917 г. под тяжестью непомерного груза противоречий государственно-феодальный капитализм российской империи сменился - после Октября в результате проводимых преобразований - *государственнофеодальным* же... социализмом. Историческая параллель в судьбе последнего просматривается и в том, что после развала Советского Союза в начале 90-х гг. он также «неожиданно и бескровно» сошел со сцены.

Используемый в отечественных публикациях термин «государственно-феодальный социализм»³ преемственно связан, в свою очередь, с обозначением одного из выделенных Марксом и Энгельсом направлений социалистической литературы. Как известно, в «Манифесте Коммунистической партии» они отмечают, что феодальный социализм в качестве инструмента критики буржуазного общества маскирует «политическую практику» с помощью «напыщенной фразеологии» вперемежку с догматами веры, ибо «нет ничего легче, как придать христианскому аскетизму социалистический оттенок».

Реализованный в Советском Союзе социалистический проект явился превращенной (т.е. неадекватно выраженной) формой *национальной идеи*. Но в своем мифологизированном облачении социалистическая идея выполняла главным образом «служебную» функцию, т.е. являлась не столько сутью, сколько *способом* реализации как интересов правящей номенклатуры, так и жизненно необходимой для страны модернизации. В этой «двойственности», а, точнее, - в диалектической противоречивости теснейшим образом переплетающихся фактической и формальной установок, - гносеологическая причина неоднозначности всех имеющихся сегодня точек зрения на природу «реального социализма». Их представленная в литературе⁴ детальная характеристика, безусловно, важна сама по себе для иллюстрации всей полноты картины. Однако в многообразии позиций и мнений на этот счет мы ограничимся более скромной, но исключительно актуальной задачей - рассмотреть историю формирования и функционирования советской административно-командной системы сталинского периода сквозь призму диалектического противоречия как **основного противоречия марксизма**.

В обобщенном виде проблема может быть сформулирована следующим

2001. 3См., напр.: Гайда А.В., Любутин К.Н., Мошкин С.В. Марксизм Иосифа Сталина: Философско-политологические этюды. Екатеринбург, 2001.

4 См., напр.: Воейков М.И. Споры о социализме: о чем пишет русская интеллигенция. М..

образом: если в своем сугубо идеологическом преломлении марксизм оказался настолько эффективным «руководством к действию», что благодаря проводимому под его «знаменем» политическому курсу ВКП(б) / КПСС удалось превратить экономически отсталую царскую Россию во вторую сверхдержаву мира, оправданы ли какие-либо сомнения в решающей значимости сопутствующих этому исторически неизбежных «издержек»? И правомерно ли в таком случае вообще, «по большому счету», говорить о дискредитации социалистической идеи, возлагая ответственность за это на ее реальных «творцов», стоявших у колыбели революции и социалистического строительства - Ленина и Сталина? Что касается всех последующих партийных руководителей высшего ранга, защитников у них сегодня уже не находится.

В подобной постановке вопроса, разделившей (при наличии массы оттенков) исследователей по принципу pro et contra, акцент переносится с «издержек» на «достижения», отрицать которые было бы, конечно, неверно. Но вся беда в том, что к числу первых приходится относить главным образом собственно социалистические принципы теории и практики, в то время как

превращение СССР в индустриально развитое государство отнюдь не служит доказательством полноты его *социалистической* природы, точно также, как не являются ее выражением и завоевания «культурной революции», а тем более т.н. «социалистическое преобразование» аграрного сектора экономики. Все эти составляющие ленинского плана «перехода к социализму», канонизированного Сталиным, были в сущности ничем иным, как проектами, которые в силу их нерешенности на прерванном этапе капитализации Россия должна была осуществлять уже «под знаменем марксизма» и решать, разумеется, совсем по-иному. Идеологически перевоплощенный марксизм и был призван играть роль своего рода «палочки-выручалочки». Очевидная для всех, и для Ленина в том числе, незрелость «*объективных экономических предпосылок для социализма*» обернулась неизбежной абсолютизацией политического насилия, которое освящалось теперь исторической значимостью сталинских пятилетних планов.

Вместе с тем, *допуская* теоретическую *обоснованность* программы строительства социализма в узких рамках *однопартийной* политической системы, трудно не согласиться с тем, что «генетически модифицированная» сталинская версия марксизма при всей ее чудовищной тоталитарной сущности имеет известное историческое оправдание. Если разделять исходный и незыблемый для Ленина постулат о верховенстве партии «нового типа» (а не «самодержавия народа»), то выстроенной Сталиным, по его собственному определению, «диктатуре вождя» довольно легко придать оттенок некой хотя и скроенной «по желанию заказчика», но все же *вынуждаемой* конкретными историческими обстоятельствами модели социальной пирамиды.

Собственно говоря, ничего большего нынешним сталинистам и не требуется. Как ни прискорбно, даже авторы «Философско-политологических этюдов», рельефно обнажающие сущность сталинизма, вопреки собственной аргументации, дают повод отнести себя к их числу, ограничиваясь *однозначной* оценкой в связи с постановкой вопроса: «**были ли проведенные Сталиным социально-экономические изменения - прогрессивными?** Вопреки многим мнениям, - пишут они, - ответ на этот вопрос должен быть **утвердительным**, ибо деяния И.В. Сталина проходили в русле того, что теперь называют «вход в мировую цивилизацию».⁵

Любое утверждение не может быть абсолютным уже потому, что в то же время оно выступает и в виде отрицания. Ссылка на то, что в данном случае «механизм опять-таки прост», поразительно напоминает ставший традиционным *упрощенный*

5 Гайда А.В., Любутин К.Н., Мошкин С.В. Указ. Соч. С. 111.

подход ортодоксальных марксистов. Вся доказательная база строится на том, что коллективизация (т.е. «повальное» насильственное обобществление собственности индивидуальных крестьянских хозяйств)

позволила резко увеличить товарность зерна, за счет чего была решена задача индустриализации. Важно в этой связи обратить внимание на то обстоятельство, что достигнутые «успехи» в кампаниях по коллективизации и индустриализации с сугубо *экономической* точки зрения были, мягко говоря, весьма условными, поскольку издержки, связанные с их реализацией, принципиального значения не имели и в расчет, как правило, не принимались. В соответствии с ленинским принципом «первенства политики над экономикой» эквивалентом категории экономической эффективности по-прежнему выступает *политическая*

целесообразность, вытекающая из «генеральной линии партии». Затраты людских, материальных и финансовых ресурсов оцениваются, таким образом, исключительно сквозь призму фетишизированного «классового» подхода, обеспечивающего продвижение на всевозможных «фронтах» - философском, историческом, экономическом, математическом, физическом, биологическом, психологическом, литературном и т.п. Не случайно излюбленной методикой статистики на протяжении всего советского периода была ориентация на сравнение достигнутых *валовых* экономических показателей (производство чугуна, стали, сельхозтехники, добыча угля, нефти и т.д.) с уровнем довоенного 1913 г., что создавало иллюзорное, «отвлеченное» представление о социальном благополучии. Но даже тогда, когда показатели экономического роста достигли сопоставимых с развитыми государствами абсолютных величин, проблема эффективности в народно-хозяйственном комплексе не только не была решена, но, напротив, значительно обострилась.

Расчет строился, по сути, на *взаимоисключающих* механизмах: принцип «личной заинтересованности» трудящихся должен был раскрываться «при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией», но под бдительным, жестким и всепроникающим контролем «правительственной партии». Органичность подобного сочетания не просто сомнительна, но есть *contradictio in adjecto*, т.е. невозможна в принципе. Коренные изъяны формирующейся модели экономики и системы социального управления в целом обнаружили сразу после свертывания нэпа, однако на протяжении всего предвоенного и отчасти послевоенного периода небезуспешно «гасились» с помощью колоссального креативного ресурса социалистического идеала. Его реализация в режиме *позитивной* мобилизации основывалась, таким образом, вопреки ленинским рекомендациям, не столько «на хозяйственном расчете», сколько «на энтузиазме

непосредственно». Поэтому по мере его неизбежного исчерпания к концу 50-х - началу 60-х гг. «государственный» социализм, так и не выявивший всех исторических преимуществ нового общественного строя, начал неуклонно сдавать одну завоеванную позицию за другой.

Не следует поэтому забывать, что успехи индустриализации явились «чудом» лишь в глазах прагматичного западноевропейского обывателя, в то время как в истории «вечно догоняющей» России это было итогом испытанного, начиная с эпохи Ивана Грозного, способа решения назревших социально-экономических проблем. Программа позитивной мобилизации, обосновываемая перманентной ссылкой на «враждебное капиталистическое окружение» изначально ставила во главу угла державные приоритеты, игнорируя или, в лучшем случае, вытесняя на задний план интересы «живых, действующих индивидов». Даже соглашаясь с тем, что это был «вход в мировую цивилизацию», нельзя не учитывать того, что он осуществлялся в обход общечеловеческой системы ценностей и потому явился крайне непоследовательным и в итоге... недолговечным.

Весь трагизм этой внутренне противоречивой ситуации состоял в том, что социалистически окрашенный, обновленный патриотизм для большинства советских граждан был *подлинным* (укорененным в структуре менталитета) лейтмотивом мышления и действия, но его объективированным результатом выступало лишь всегдашнее, по выражению Бердяева, «возрастание государственного могущества». Социализм в его историческом предназначении был призван преодолеть такого рода односторонность за счет постепенной, по мысли Маркса, реинтеграции политической системы в лоно формирующегося гражданского общества. Но паразитировавшая на социалистической идее и патриотической риторике модель управления, созданная Сталиным, решала проблему «оправданности государства» традиционно деспотическими методами. Кроме того, в отличие от Петра I, он использовал «варварские средства борьбы» уже не против «варварства», а с целью устранения всех инакомыслящих, включая прежде всего интеллектуальную и культурную элиту советского общества, которая не только не являлась препятствием на пути модернизации, но была ее мощным катализатором.

В итоге вместо смены антагонистического типа социального прогресса неантагонистическим сформировалась новая историческая форма отчуждения. Экономика мобилизационного типа действительно обеспечила *тактический рывок*, но, как выяснилось позднее, ценой *стратегического отставания*, закономерным

результатом которого явилась ощутимая дискредитация социалистической идеи.

Вместе с тем, сама установка на активное вмешательство государства в экономическую жизнь общества, если исключить ее доведенное до абсурда воплощение в нашей стране, была достаточно продуктивной и уже в 30-е годы нашла выражение в кейнсианской теории «регулируемого капитализма» и применение в «новом экономическом курсе» Рузвельта, а затем и в практике других государств. Причем, как отмечает Б.Ю. Кагарлицкий, «реформизм Кейнса не только предполагал структурные изменения в экономической системе, но и требовал обязательной прививки некоторой доли социализма в качестве единственного способа спасения капитализма». ¹ *Историческое значение советской модели социализма и состоит в том, что она впервые убедительно доказала, с одной стороны, принципиальную возможность государственного регулирования экономики (успешно практикуемую ныне как на Западе, так и на Востоке) и, с другой, - низкую эффективность такой регуляции в условиях **нормального**, (не экстремального) развития вследствие отсутствия конкуренции в виде иных, помимо государственной, трудовых (коллективной и индивидуальной) форм собственности.* Благодаря во многом реалистической оценке такого рода опыта современный социализирующийся западный капитализм сумел не только выйти из Великой экономической депрессии, но и «пережить» (на некоторое время) «реальный социализм», в то время как нынешний политический курс отвергнувших «уроки истории» российских «реформаторов» отчетливо обнажил свою ущербность. Коль скоро доморощенных рыночных фундаменталистов «история ничему не учит», образец демонстрируемого ими мышления можно смело поставить в один ряд с отвергаемым ими сталинским догматизмом, ставшим символом теоретического знания тоталитарной эпохи.

Интеллектуально-нравственный и психологический портрет Сталина в отечественной и мировой литературе представлен достаточно полно. Нельзя, ⁶ конечно, сказать, что тон здесь задают, как некогда, откровенные сталинисты, хотя такого рода публикации встречаются и сегодня. ¹ Гораздо чаще теоретические воззрения Сталина идентифицируются с марксизмом для того, чтобы дискредитировать, по примеру А.С. Ципко, «марксистские истоки сталинизма». «Да, - утверждает он, - Сталин обладал необходимой философской культурой, чтобы научиться тому рафинированному марксистскому языку, которым владели вожди II Интернационала. Но он всем своим нутром воспринял революционную сущность марксизма». Любые отступления ортодоксов от «монолитного» марксизма с этой точки

⁶ Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. С. 375.

зрения исторически оправданы и ничуть не влияют на представление о том, что «большевики, в том числе и И.В. Сталин, были *самыми последовательными* марксистами». ^{7 8} (Курсив мой. - М.К.)

Между тем, персонифицированный в облике «великого вождя всех времен и народов» феномен тоталитарной духовности не являлся тайной уже для его современников. На грубость, «капризность», нетерпимость к критике и злопамятность Сталина, который, «сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть», обращал внимание Ленин, предлагая «обдумать способ перемещения» его с занимаемого поста. Среди ближайшего окружения даже Троцкий - главный оппонент и конкурент в борьбе за власть внутри партии - достаточно объективно оценивал Сталина, наделив его иронически- уничижительным прозвищем «самой выдающейся посредственности бюрократии». ⁹ Действительно, весь набор личностных качеств генсека свидетельствовал, по выражению Бердяева, о «преобладании отрицательного над положительным». Но Сталин, как никто другой, служил воплощением «сильной организации» и заявленной ею «воли к власти».

В нашей литературе как-то не принято четко дифференцировать понятия «хитрости» и «мудрости», которые выглядят порой даже взаимодополняющими применительно к индивиду. Однако их несовместимость бросается в глаза при ближайшем рассмотрении точно так же, как невозможность быть «гениальным злодеем». Мудрость бескорыстна, гуманистична и потому долговечна. Хитрость не претендует на лавры вечности в памяти благодарного человечества и в стремлении к достижению поставленной цели не останавливается перед попранием нравственных норм. Свойственная Сталину «аскетическая складка» - отнюдь не синоним бескорыстия, если учитывать, что к обладанию властью тяготеют даже обладатели сверхдоходов. В нем нет той остроты противоречия между благородством и искренностью следования абстрактно понятым революционным идеалам, с одной стороны, и тяжестью поистине роковых теоретических ошибок, - с другой, которая проявилась в судьбе Ленина.

Сталин не лишен черт харизматического лидера, но, в отличие от Ленина, гораздо в большей степени озабочен задачей формирования облика «вождя». Вместе с тем, волевая прямолинейность в реализации целевой установки сочетается у него с необычайно изощренной технологией ее достижения. Основателю первого в мире

7 См., напр.: Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 3, 4. С. 22, 21.

8 См.: Ципко А. Насилие лжи, или как заблудился призрак. М., 1990. С. 111, 107.

9 См.: Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 403 - 404, 408, 409.

«пролетарского» государства, конечно, и в страшном сне не могли явиться сцены режиссируемых Сталиным судебных процессов, целью которых было планомерное истребление «старой партийной гвардии», олицетворявшей, по известному ленинскому выражению, «ум, честь и совесть эпохи». Характеризуя личностные качества Сталина, Л. Баткин обосновано указывает на то, что он «не просто пробился к трону, но сумел в значительной степени создать его для себя».¹⁰ Вместе с тем, несмотря на емкую и точную оценку фигуры Сталина, Баткин полагает, что «весь эффект» его возвышения состоял «в том, что никакой логики не было».

Непредсказуемость и беспрецедентное вероломство Сталина в борьбе за лидерство в партии, будучи атрибутами «азиатской» хитрости, свидетельствуют не об отсутствии «логики» как таковой (которая легко угадывалась в его действиях и не составляла секрета для партийной верхушки), а о полнейшем пренебрежении к каким бы то ни было взятым на себя *моральным обязательствам*. Как никто другой, Сталин в наименьшей степени считается с «собственноручной», публично озвученной им нравственной заповедью «о том, что руководители, если они хотят остаться действительными руководителями, должны уметь забывать об обидах, если этого требуют интересы дела».¹¹ Нанесенные ему обиды Сталин не забывал никогда.

Отсутствием чувства *признательности* (свойственном, кстати, восточному менталитету) и *аморализмом* он, действительно, выделялся даже на фоне «пониженного» (по определению Бердяева) «типа русской культуры», представленного в большевизме, и вследствие этого его тактические ходы зачастую являлись *неожиданными*. С идейными оппонентами в политических дискуссиях не исключались и периоды временного, показного примирения, а вчерашние союзники безжалостно предавались и устранились, как только приходил их черед и позволяла ситуация. Используя для этого всевозможные приемы и ухищрения, Сталин демонстрирует в *теоретическом* отношении софистическую, т.е. «субъективную гибкость понятий», которая соответствует примитивизму его церковно-догматического мышления, но своей оборотной (и в некотором смысле даже «позитивной») стороной имеет предельную четкость и лаконизм артикулируемых им решений.

Весьма примечательно, что по собственному признанию, он «никогда... не претендовал на что-либо новое в теории, а добивался лишь того, чтобы облегчить полное торжество ленинизма в... партии».¹ Именно таким образом, т.е. придерживаясь ленинских принципов партийного строительства, рассматривает он, в частности,

10 Баткин Л. Сон разума: О социально-культурных масштабах личности Сталина // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 11 - 12.

11 Сталин И.В. РЕЧЬ НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ КОЛХОЗНИКОВ-УДАРНИКОВ 19 февраля 1933 г. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. С. 457.

вопрос о наличии «противоречий внутри партии».² Не удивительно поэтому, что «из круга идей, именуемых нынче сталинизмом, нет ни одной, которая бы принадлежала ему. Все самым беззастенчивым образом заимствовано у других».³

Эволюция теоретических представлений Сталина о продвижении страны к социализму во второй половине 20-х гг. продиктована стремлением приобрести и упрочить статус главного идеолога партии. На этом «тернистом» пути препятствием для его амбициозных планов выступает вначале авторитет Троцкого. Уже в ноябре 1924 г., «в связи с последними литературными выступлениями Троцкого», Сталин формулирует задачу **«похоронить троцкизм, как идейное течение»**.⁴ На первом этапе борьбы с троцкизмом, планируя крупномасштабную наступательную операцию,

Сталин ограничивается

«расчисткой почвы», т.е. интенсивно внедряет в общественное сознание комплекс идейной неполноценности «левого уклона», и воздерживается от призыва к репрессивным методам расправы. «Троцкизм» с его теорией «перманентной революции» подается в «образе врага» через принципиальное

противопоставление «ленинизму», который идентифицируется, в свою очередь, с ^{12 13}
^{14 15} уверенностью в возможности победы социализма в одной стране.

Противопоставляя «старый» и «новый» троцкизм, Сталин по сути приписывает Троцкому свойственное ему самому лицемерие. И последний если не во всем, то во многом был прав, утверждая, что «сталинская фракция все политические вопросы подменила вопросом о... биографии», прибегая к многочисленным «вымыслам».¹

Во фронтальном идеологическом наступлении против него Сталин намеренно смещает акценты, осуществляя теоретическую подтасовку. Во-первых, формулируя тезис о том, что в стране имеется «все необходимое для построения полного социалистического общества», Ленин вовсе не сбрасывал со счета фактор международный, подчеркивая «ту азбучную истину марксизма, что для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран». Во-вторых, сам Троцкий не только не отрицает, но вполне допускает и даже обосновывает важность строительства социализма с опорой на собственные силы. Отвечая на выпады Сталина, он заявляет, что не рассматривает теорию «перманентной

12 Сталин И.В. Доклад на VII расширенном Пленуме ИККИ, 22 ноября - 16 декабря 1926 г. // Соч. Т 9.

С. 116.

13 См.: Сталин И.В. Речь на VII расширенном Пленуме ИККИ. С. 3 - 9.

14 Гайда А.В., Любутин К.Н., Мошкин С.В. Указ. Соч. С. 224.

15 См.: Сталин И.В. ТРОЦКИЗМ ИЛИ ЛЕНИНИЗМ? Речь на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС 19 ноября 1924 г. // Сталин И.В. Соч. Т 6. С. 324, 349, 350, 354, 352, 353, 356, 357.

революции» в качестве вектора политической практики Советского государства, а в своей брошюре «К социализму или к капитализму?» (1925 г) не призывает ни к пассивности «в ожидании мировой революции», ни к ее разжиганию. Рациональное использование финансовых средств, входящих в «систему социалистического протекционизма», писал Троцкий, позволит рабочему государству обуздать капиталистические тенденции и содействовать победе социализма путем развития промышленности, совершенствования технологии и расширения объема внешней торговли. Пролетарская революция в Европе лишь способствовала бы и *ускорила*, по мнению Троцкого, достижение этой цели. Наконец, в-третьих, - и это главное, - сталинская концепция построения социализма в одной стране при всей ее идеологической «новизне» также фиксирует *зависимость* социалистического строительства в национальном масштабе от дальнейшей эскалации мировой революции. Последняя мыслится им в качестве «полной гарантии от интервенции, а значит, и реставрации буржуазных порядков», т.е. выступает критерием, позволяющим различать «полную» и «окончательную» победу социализма в СССР

Вся суть расхождений между сталинской и троцкистской позициями заключается в понимании *характера* вышеозначенной взаимосвязи внутренних и ¹⁶ внешних условий. Сталин интерпретирует ее механистически, так как национальному социализму придается облик «закрытого» общества. Он признает, что «без победы революции, по крайней мере, в ряде стран» было бы *преждевременно* говорить об *окончательной* победе социализма в *одной* стране, однако эта «перспектива» хотя и приобретает *объективно* жизненно важное значение, остается у него фактором «чисто» внешним, не влияющим непосредственно, как он полагает, на ситуацию внутри общества *уже победившего* социализма. С точки зрения Троцкого процесс социалистического строительства, включая его *завершение*, нереалистично рассматривать изолированно от мировой экономики, учитывая растущую интеграцию. Поэтому некорректно, как он полагает, ставить вопрос о том, сможет ли страна построить социализм за тридцать или пятьдесят лет, опираясь на собственные ресурсы и усилия, если шансы мирового революционного пролетариата на завоевание власти в течение этого срока равны или даже больше возможности построения социализма в России.¹⁷

16 См.: Троцкий Л.Д Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990. С. 158.

17 См.: Пятнадцатая конференция ВКП (б). 26 октября - 3 ноября 1926: Стеногр. отчет. М.; Л., 1927. С. 514 - 517, 524 - 526, 530 - 531. Интересно отметить, что мифологизируемый сталинской пропагандой образ Троцкого как «поджигателя» мировой революции оказывается на деле значительно более сложным и не однозначным. При всей своей ортодоксальности он способен иногда не только политически, но и *теоретически* выйти за пределы идеологически тенденциозных «основных исторических оценок». Так, если, по его словам,

В своих прогнозах Троцкий, разумеется, не выходит в целом за пределы деятельностно-революционной парадигмы (в ее *противопоставлении* формационной) ортодоксального марксизма, но то же самое, только в гораздо большей степени, демонстрирует и Сталин. Во всяком случае, ставка на «мировую революцию» не препятствовала развернутому строительству социализма (как не препятствовала она победе в гражданской войне и переходу к мирному труду), а служит лишь обозначением, по мысли Троцкого, его естественных «пределов роста».

Понятие «победы», которым жонглирует Сталин («расщепляя» его), в *теоретическом* анализе не только не имеет принципиального значения, но служит дополнительным, *произвольно вводимым* идеологическим постулатом. Он прибегает к явной казуистике, когда утверждает, что основной ошибкой «новой оппозиции» является «неверие в победу социалистического строительства» и однозначный «выбор»: либо сгнить на корню, либо переродиться в буржуазное государство». Опасности такого рода избежать, действительно, не удалось. Однако упрек Троцкого в состоявшемся термидорианском «перерождении» партии, как первого шага в этом направлении, не был надуманным, хотя преследовал не только «абстрактно-теоретическую» цель движения к истине, но выражал и личные, не менее честолюбивые, чем у Сталина, планы. Процесс этот завершился через несколько десятилетий во многом как раз по собственной вине Сталина: «увязнув в противоречиях», «выстроенная» им по ленинским «чертежам» (но с учетом сугубо личностных интересов «заказчика») административно-командная система оказалась совершенно непригодной для решения задач постиндустриального этапа развития СССР. Что же касается лидеров «новой оппозиции», то они вовсе не «тащили партию назад», не «отходили» ни от интернационализма, ни от ленинизма, хотя многие из них, становясь жертвами прямого физического и нравственного насилия, и вынуждены были в *итоге*, по выражению Сталина, «расписаться в своем собственном поражении». Вся их вина состояла в том, что они посмели, как это сделал, в частности Зиновьев в своей книге «Ленинизм» (1925 г.), гораздо *последовательнее* сформулировать теоретическое предположение о том,

допустить, «что капитализм не исчерпал своей исторической «миссии», и что развертывающаяся империалистическая фаза вовсе не является фазой упадка капитализма, а лишь предпосылкой его нового расцвета», то «совершенно очевидно, что... социализм в отсталой стране оказался бы лицом к лицу с грандиозными опасностями». (Троцкий Л. К социализму или к капитализму? Анализ советского хозяйства и тенденций его развития. 2-е изд. М. - Л., 1926. С. 66 - 67) Гипотетическое допущение подобного сценария развития мирового капитализма, конечно, самому Троцкому представляется, по меньшей мере, маловероятным. Классовая борьба пролетариата, по его глубокому убеждению, практически не оставляет капитализму шансов на достижение «нового динамического равновесия». Однако даже «абстрактно-теоретическая», по выражению Ленина, постановка вопроса о функциональном предназначении производительных сил позволяет ему избавиться от сталинского «казенного оптимизма» и гораздо реалистичнее рассматривать перспективы социалистического строительства «в отсталой стране».

что «окончательная победа социализма» предполагает уничтожение классов и, следовательно, «упразднение диктатуры пролетариата», посягнув тем самым и на «диктатуру вождя».

Претенциозность сталинской аргументации выражается уже в том, что формально он руководствуется тем же самым ленинским положением, что и «оппозиционеры», именуя его одной из «трех основных сторон диктатуры пролетариата». Раскрывая содержание «диктатуры пролетариата», Сталин, ссылаясь на выдержки из ленинских работ, добросовестно воспроизводит все присущие этому «научному понятию» недостатки, доводя их в своих выводах до полного логического абсурда.

Анализ теоретической несостоятельности ленинского тезиса о диктатуре «как ничем не ограниченной, *никакими законами*, никакими *абсолютно* правилами не стесненной», опирающейся непосредственно на насилие власти, требует специального рассмотрения. Но принципиально важно, что диктаторский режим (в отличие от анархического) не игнорирует, строго говоря, а *деформирует* понятие законности как таковой. В порядке вводимых «чрезвычайных» мер устраняет из нее конституционное содержание, противопоставляя ей (в частности, в виде т.н. «революционной законности») некие произвольно определяемые нормы, вытекающие из представлений властной элиты о политической целесообразности применительно к «текущему моменту».

Впрочем, это уточнение касается только «научного» понимания диктатуры. «Углубляя» его, Сталин далее обращает внимание на ленинскую мысль о том, что диктатура пролетариата не сводится только к «насилию над эксплуататорами», она даже и не является *«главным образом»* революционным насилием. Акценты смещаются и теперь выясняется, что именно «в организованности и дисциплинированности» пролетариата заключается «главная сущность» его диктатуры. «Диктатура пролетариата, - отмечает Сталин, - имеет свои периоды, свои особые формы, разнообразные методы работы». В зависимости от переживаемого периода (военного или мирного), добавляет он, «особенно бьет в глаза» либо «насильственная сторона», либо созидательная («организаторская, культурная») функция диктатуры. В этой связи важно еще раз зафиксировать, что даже с отстаиваемой Сталиным вульгарно-идеологической (и потому догматической) точки зрения соотношение «разрушительных и творческих задач» в природе *диктатуры пролетариата* недвусмысленно ограничивается «периодом *переходным* от капитализма к социализму» и, следовательно, *не распространяется* на последующий,

собственно социалистический этап. Иначе говоря, «внутренняя логика аргументации Зиновьева», ведущая к отрицанию и «окончательной», и «полной» победы социализма без «упразднения» диктатуры пролетариата (в качестве ее критерия), подтверждает не только соответствующий вывод Маркса, репродуцируемый Лениным, но и «собственноручный» сталинский силлогизм.

Не менее лицемерными выглядят и рассуждения Сталина о «механизме» функционирования «системы диктатуры пролетариата». Акцентируя на том, что идея диктатуры предполагает «союз пролетариата и крестьянства», Сталин не отличает ее от «идеи *гегемонии* пролетариата в этом [заведомо неравноправном. - М.К.] союзе». Вместе с тем, и диктатура пролетариата как класса («с точки зрения ее строения») оказывается при ее последовательной конкретизации *производной* от диктатуры его авангарда. И здесь Сталин демонстрирует завидную софистическую гибкость понятий, чтобы, не отрицая всем очевидного факта «диктатуры» партии (а, следовательно, и логически обуславливающей ее «диктатуры» вождей), доказать в то же время «отход» Зиновьева и всех его единомышленников от ленинизма.

Между диктатурой пролетариата и «диктатурой» партии нельзя, утверждает он, «провести **знак равенства**» (или «**подменить** первую второй»); их в то же время «нельзя *противопоставлять*..», так как диктатура пролетариата и руководство партии лежат, так сказать, на одной линии работы, действуют в одном направлении... Диктатуре пролетариата *не противоречит* не только руководство («диктатура») партии, но и руководство («диктатура») вождей». Все эти иерархически выстроенные «формы» (или уровни) диктатуры, по мысли Сталина, *взаимодополняют* друг друга, а различие между ними определяется прежде всего тем, «что диктатура пролетариата *по объему шире и богаче* руководящей роли партии». ¹⁸ (Курсив мой. - М.К.) Однако в этом случае Сталин попросту *игнорирует* один из важнейших законов формальной логики - закон обратного соотношения между объемом и содержанием понятия.

Даже если допустить, что «диктатура пролетариата» включает в себя «целый ряд переходов и промежуточных ступеней», то именно поэтому, будучи *предельно общим* понятием, она оказывается в *содержательном* отношении чрезвычайно бедной абстракцией. И «диктатура» партии, и, тем более, «диктатура» вождя - понятия исторически значительно более *конкретные* (а, следовательно, более «богатые»). Не соблюдая правила формальной логики, Сталин *как бы* претендует в своих рассуждениях на диалектическую дискурсивность. Но ссылку на то, что партия «проводит диктатуру **пролетариата**, а не какую-либо иную», что «партия не может

18 Сталин И.В. К вопросам ленинизма // Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1952. С. 126, 133, 139, 127.

покрыть, не может заменить класс», оставаясь «частью» его, неправомерно рассматривать и в качестве заявки в духе конкретного тождества, ибо обе «диктатуры» *не отличаются* по своей «сущности». Без наличия же *существенных* различий «диктатуру организованного и сознательного меньшинства» уже не составляет труда выдать за «диктатуру пролетариата». Таким образом, настаивая на неправомерности их *формальнологического отождествления*, Сталин лишь декларирует, а не доказывает операциональную диалектическую легитимность исходного тезиса.

К этому же софистическому приему он прибегает и тогда, когда указывает на неоднозначность смысловой нагрузки понятия «диктатура партии», который используется Лениным «не в точном смысле этого слова («власть, опирающаяся на насилие»), а в переносном смысле, в смысле ее безраздельного руководства». По словам Сталина, когда он «находил нужным определить *научно* роль партии в системе диктатуры пролетариата, он говорил **исключительно** о руководящей роли партии (а таких случаев - тысячи) в отношении рабочего класса». ¹⁹ (Курсив мой. - М.К.) Но если «научный» подход к определению «роли партии» означает ее «руководство» и исключает насилие, а *любая* диктатура «в точном смысле этого слова» его *предполагает*, не логичнее ли устранить из арсенала партийного руководства само понятие «диктатуры», не прибегая к спасительным «кавычкам»? Столь «радикальный» вариант решения проблемы Сталина явно не устраивает, ибо в этом случае рухнет вся цепочка из трехзвенной «диктатуры», - распадутся звенья, совпадающие «по существу». Сказав «А», ему очень не хочется говорить «Б». Но из ленинского тезиса «о недопустимости противопоставления «диктатуры масс диктатуре вождей» как раз и следует, что «идя по этому пути, мы должны были бы сказать, что **диктатура пролетариата есть** [в сущности. - М.К.] **диктатура наших вождей**». Если считать этот вывод, «вкрадчиво и несмело проводимый Зиновьевым», элементарной «глупостью», то собственные рассуждения Сталина - «правоверного» транслятора ленинской логики - приходится относить к вершинам софистического «пилотажа».

Его «аргументация» справедлива в том отношении, что Ленин (в отличие от него самого) так и не расстался с *иллюзией* «**взаимодействия** между авангардом рабочего класса и рабочей массой», несмотря на то, что практика революционной борьбы и социалистического строительства ее многократно опровергала. На всех этапах истории партия «чутко прислушивалась к голосу масс» лишь тогда, когда без их «революционного инстинкта», «доверия» и «поддержки» не могла обойтись для достижения навязываемых обществу идеологически заданных целей. Стоило ей,

¹⁹ Сталин И.В. Указ. Соч. С. 140.

однако, укрепиться, взяв в свои руки бразды «безраздельного руководства», как из «учителя своего класса» она неизменно превращалась в жесткого, «опирающегося непосредственно на насилие» и лишенного сентиментальности «командира». Именно с помощью такого рода красноречивого «убеждения» (основанного «на страхе или «неограниченных» правах партии») она *«облегчала* массам распознать на *собственном опыте правильность»* проводимой ею политики. И если, как пишет Сталин, «без насилия не бывает диктатуры», то последняя, даже будучи взятой «иногда в кавычки», лишь подтверждает (как и всякое исключение) общее правило.

Из «многочисленных трудов Ленина» Сталину удастся выявить «лишь пять случаев», где используется формула «диктатура партии». По его мнению, это было необходимо для того, чтобы подчеркнуть, что речь идет о «диктатуре **одной** партии», т.е. тот факт, что партия не собирается делить власть с кем бы то ни было. Но это соображение выглядит, по меньшей мере, наивным уже постольку, поскольку *многопартийная* диктатура вследствие неизбежных межпартийных разногласий неосуществима в принципе. Ленин это, во всяком случае, всегда рассматривал как аксиому и *никогда* не доверял «судьбу революции» сотрудничеству ни с одной из партий, ревниво оберегая «чистоту» марксистской идеологии даже от «несознательного» *большинства* рабочего класса. К формуле «диктатура партии» («а значит, и «диктатура вождей») он не прибегает не только потому, что считал ее теоретически небезупречной, но и не желая давать «лишний» повод для «клеветнических измышлений Каутского и компании». Ленин, действительно, многократно *указывал* на важность «правильных взаимоотношений... между партией и пролетариатом», но это ничуть не мешало ему поддерживать ее авторитет силовыми методами, в том числе и по отношению к рабочему классу «в целом». Что же касается Сталина, его болезненное *недоверие* не только к голосу «пролетарских масс» и их «авангарду», но и к ближайшему партийному окружению слишком хорошо известны, чтобы в этом можно было сомневаться. Как истинный фарисей, он уверяет в приверженности тому, чему никогда не следовал на практике: «Метод *убеждения* является *основным* методом руководства партии рабочим классом».²⁰ (Курсив мой. -

20 Сталин И.В. Указ. Соч. С. 136. Раскрывая содержание «метода убеждения», Сталин далее уточняет, что он «не исключает, а *предполагает принуждение*, если это принуждение имеет своей базой *доверие и поддержку* партии со стороны большинства рабочего класса, если оно применяется к меньшинству *после того*, как сумели *убедить* большинство». (См.: Там же. С. 136 - 137. Курсив мой. - М.К.) На деле большевики, разумеется, никогда не ставили волю партийного «меньшинства» в прямую зависимость от безоговорочной «поддержки» ее «большинством рабочих масс». Дождаться их полного политического «созревания» в ходе ненавязчивого «убеждения» значило бы, по мнению Ленина, серьезно недооценивать идеологический потенциал партийного «авангарда». Если не для защиты, то для *захвата* политической власти большевиков вполне устраивал (в том числе, и по признанию Ленина) «благоприятный, - как его определяет Сталин, - нейтралитет» со стороны «большинства» рабочего класса. Еще в большей степени допустимость метода «принуждения» распространяется на «индивидуальное крестьянство», которое «квалифицируется как последний капиталистический класс».

М.К.)

Вместе с тем, весьма симптоматично и в высшей степени пророчески Сталин озвучивает ситуацию, когда «партия сама начинает так или иначе противопоставлять себя классу, нарушая основы «взаимоверия»: «Можно ли считать, что партия является действительным руководителем класса, *если ее политика неправильна*, если ее политика приходит в столкновение с интересами класса? Конечно, нельзя. В таких случаях партия, если она хочет остаться руководителем, *должна пересмотреть* свою политику, *должна исправить* свою политику, *должна признать свою ошибку* и исправить ее». (Курсив мой. - М.К.) Однако могла ли *партия* «признавать свои ошибки» и публично каяться в этом, если в лице своего «гениального» вождя, уверовавшего в собственную непогрешимость, она отбивала охоту у всякого, в ком зарождались подобные сомнения, а культивируемая с момента основания большевизма «железная» партийная дисциплина возводила ритуал *подчинения* нормам «демократического» (по сути - бюрократического) «централизма» чуть ли не в доблесть «нового типа»? И дело, разумеется, вовсе не в том, что формула «диктатуры партии» нуждалась в каких-то «оговорках». Все эти софизмы были призваны затушевывать с помощью аморфной конструкции «диктатуры пролетариата» *фактическое* («существенное») совпадение диктаторских амбиций «вождя» с не менее четко выраженной волей партии к власти. Это и создавало «целый ряд опасностей и политических минусов в... практической работе».

Пафос инкриминируемых Зиновьеву Троцкому, Радеку и всему «социал-демократическому уклону» обвинений выявляется в «убийственном» для них, как полагает Сталин, аргументе: «Без уверенности построить социализм не может быть *воли* к строительству социализма. Кому охота строить, зная, что не построить? Отсутствие *социалистических перспектив* нашего строительства ведет поэтому к *ослаблению воли* пролетариата к этому строительству неминуемо и безусловно».²¹ (Курсив мой. - М.К.) С убедительностью этого довода, на первый взгляд, действительно, трудно не согласиться. Однако фокус в том, что открывающиеся «социалистические перспективы» с *теоретической* точки зрения привлекают внимание главного «доктринера-идеолога», как это ни парадоксально, меньше всего. «Сконцентрировав все внимание партии на вопросе о возможности победы социализма в СССР, заставляя ее заниматься сопоставлением многословных цитат и

Вышеприведенное ленинское положение, на которое ссылается Сталин, «не лишено», конечно, известного «смысла», но именно поэтому формальная уязвимость сталинской аргументации красноречиво раскрывает особенности рекламируемого им «ленинского стиля партийного руководства».

21 Сталин И.В. О социал-демократическом уклоне в нашей партии. Доклад на XV Всесоюзной конференции ВКП (б) 1 ноября 1926 г. // Соч. Т 8. С. 280.

поисками различий в нюансах тех или иных формулировок, Сталин фактически снял с обсуждения намного более важный вопрос - какой же социализм получится в результате большевистского эксперимента. Этот вопрос никогда не разбирался сколько-нибудь подробно во внутривнутрипартийных дискуссиях, за исключением, пожалуй, признания Бухарина, что это будет «отсталый социализм, но все-таки он будет «социализмом».²²

В стремлении не допустить «ослабления воли пролетариата к этому строительству» Сталин руководствуется собственным видением «казарменного» социализма и ленинской установкой на возрастание «безраздельного руководства» партии. Все остальные параметры нового общественного строя носят «теоретически» производный характер. «Подлинный смысл сталинской «теории о возможности победы социализма в одной стране» точнее всех выразил, пожалуй, Троцкий, раньше других увидевший в политике Сталина стремление защитить свое господствующее положение в стране и с этой целью «заранее назвать социализмом все, что происходит и будет происходить внутри Союза».²³ Поэтому лейтмотивом сталинских «разоблачений» выступает, во-первых, заявленная им установка на дискредитацию реальных и потенциальных конкурентов в борьбе за власть (с целью их последующего физического устранения) и, во-вторых, столь же предусмотрительная (но уже камуфлируемая) резервация грядущего объявления о «победе социализма» с сохранением всех звеньев «диктатуры» - атрибутов *переходного* периода. Если исходить из того, что социализм немыслим без наличия индустриальной экономики, «получается, Сталин назвал социализмом то, что в действительности представляло собой переходное состояние общества (две трети населения в конце 30-х гг. проживало по официальной статистике в сельской местности)».²⁴ Ровно через десятилетие после постановки озвученной цели (1936 г), т.е. спустя всего через три года после массового голода в стране, унесшего миллионы жизней, сталинская конституция торжественно объявит о том, что социализм в СССР *уже построен*.

Допущенная Сталиным теоретическая «ошибка» (впрочем, «генетически» заложенная в конструкции советской системы т.н. «диктатуры пролетариата») заключалась в апологетической оценке последней и перенесении всех выявляющихся просчетов на «человеческий фактор», т.е. растущие как снежный ком происки «врагов народа». Он продолжает во многом разделять и уже вполне *осознанно* продуцирует

22 Гайда А.В., Любутин К.Н., Мошкин С.В. Указ. Соч. С. 225; Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1989. С. 243.

23 Там же. С. 236; Коммунистическая оппозиция в СССР: в 2-х т. М., 1990. Т. 2. С. 145.

24 Шевченко В.Н. Указ. Соч. С. 53.

свойственную Ленину ошибку относительно природы «рабоче-крестьянской власти», изначально поставленной в прямую зависимость от интересов партократии. Фактически, как отмечает В.З. Роговин, «все нараставшая волна массового насилия была направлена не против врагов Октябрьской революции, а против врагов, которых создавал сам сталинский режим: крестьян, сопротивлявшихся насильственной коллективизации, и участников коммунистических оппозиций».²⁵ «Ссылка на *так называемые* объективные условия, - утверждал Сталин в Отчетном докладе XVII съезду ВКП(б) в январе 1934 г., - *не имеет оправдания*. После того, как *правильность политической линии партии подтверждена опытом ряда лет*, а готовность рабочих и крестьян *поддержать* эту линию *не вызывает больше сомнений*, - роль так называемых объективных условий *свелась к минимуму*, тогда как *роль наших организаций и их руководителей стала решающей, исключительной*... Это значит, что ответственность за наши прорывы и недостатки в работе ложится отныне на девять десятых не на «объективные» условия, а на нас самих, и только на нас».²⁶ (Курсив мой. - М.К.) Возлагая всю меру ответственности за «недостатки в работе» на «ответственных партийных работников» (но, разумеется, не на себя лично как «генератора» официозных идей), Сталин выстраивает причудливую волюнтаристскую траекторию «политической линии партии», мало считающейся с «объективными условиями». Ссылка на них, конечно, имеет место, но интерпретируются они весьма произвольно.

Вплоть до 1928 г. Сталин из тактических соображений целиком разделяет проповедуемую Бухариным идею «гражданского мира» в советской деревне. В своих выступлениях этого периода, отмечая наличие «почвы для возникновения классовой борьбы», он подчеркивает, что партия вовсе не заинтересована в ее «разжигании». Даже тогда, когда речь идет о борьбе против кулачества, заявляет он в 1925 г., «мы вполне можем и должны обойтись здесь без разжигания борьбы и связанных с ней осложнений»: нет никакой «необходимости в этих искусственных мерах». Однако возникший в стране осенью 1927 г. продовольственный кризис Сталин использует уже в качестве *повода* для возвращения к практике «военного коммунизма» и «чрезвычайных мер» с целью «усмирения» деревни. Реанимация ленинской формулы «кто кого» представала в виде проекта обостренного наступления на «капиталистические элементы» и «ликвидации кулачества как класса», но вылилась в политику насильственной («сплошной») коллективизации

25 Роговин В.З. Власть и оппозиции. М. 1993. С. 10.

26 Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) // Сталин И.В. Соч. Т 13. С.

индивидуальных крестьянских хозяйств. *Объявление кулака вне закона не могло не привести к беззаконию по отношению к крестьянству и обществу в целом.*

В своей речи на Пленуме ЦК ВКП (б) 9 июля 1928 г Сталин по-прежнему демагогически утверждает, что проводимый курс «никак нельзя считать политикой *разжигания* классовой борьбы..., потому, что разжигание классовой борьбы *ведет к гражданской войне*». Но коль скоро классовая борьба ни в городе, ни в деревне «в условиях диктатуры пролетариата» *не отменяется*, она неизбежно «будет обостряться». Если придерживаться сталинской логики рассуждений, «обострение» классовой борьбы носит *объективный* характер и выступает результатом *успешного* развития социалистических форм хозяйствования в торговле, промышленном и аграрном секторах экономики. По мере «наступления социализма против элементов капитализма» последние вытесняются и разоряются, естественно, «пытаясь организовать сопротивление» Советской власти. «Механика обострения классовой борьбы», как ее понимает Сталин, заключается в том, что «отживающие классы» сопротивляются *тем ожесточеннее*, чем отчаяннее их положение (чем «они становятся *слабее*»), т.е., иначе говоря, чем *бесперспективнее* само противодействие. Но, как саркастически подметил Бухарин, если принимать «тезис, что, чем быстрее будут отмирать классы, тем больше будет обостряться классовая борьба», то следует признать, что она, «очевидно, разгорится самым ярким пламенем как раз тогда, когда никаких классов уже не будет!»²⁷ Чем дальше, тем больше «*подрывая* социалистическое строительство», такого рода «обострение» не позволило бы вообще говорить о каких бы то ни было его «растущих» *экономических* «успехах». К тому же, как признает Сталин четыремя годами ранее, лозунга «разжигания борьбы» правящая партия не должна придерживаться даже в том случае, когда подобная инициатива исходит от «капиталистических элементов», ибо он будет «лозунгом контрреволюционным».

Софистически подменяя тезисы, Сталин находит *критерий* перехода от «периода **восстановления** народного хозяйства (когда строительство шло мирным путем, так сказать, в порядке самотека») к этапу его «**реконструкции**» в якобы происшедших «классовых сдвигах», начало которым было положено «затруднениями на хлебном фронте». Иначе говоря, он вполне осознанно «*смешивает*» как раз то, в чем упрекает своих оппонентов, - «причины временные и конъюнктурные (специфические) с причинами длительными и основными». И, действительно, «валить

²⁷ См.: Бухарин Н.И. ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ПЛЕНУМЕ ЦК И ЦКК ВКП(б) 18 апреля 1929 г. // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 264.

в одну кучу все эти причины, - значит запутать весь вопрос».²⁸

Удивительно ли, что, не поддаваясь гипнозу идеологизации, «руководители бухаринской оппозиции в своих речах на пленуме ЦК и ЦКК совершенно обошли вопрос о классовых сдвигах в... стране, ни единым словом не упомянули об обострении классовой борьбы и не дали даже отдаленного намека на то, что. разногласия связаны с этим именно обострением классовой борьбы»? Как справедливо полагает Сталин, разногласия эти носили далеко *не* «случайный характер». Но возникли они прежде всего на «почве» «конъюнктурного» крена в сторону «диктатуры вождя», а отнюдь - не происходящих в обществе кардинальных «классовых сдвигов». В «непонимании» и неприятии произвольно конструируемых «новых задач» состоит не «главная ошибка», а скорее «беда» и «несчастье» «правой» оппозиции, взявшей на себя смелость противостоять «генеральной линии» партии.

Фетишизируемая классовая борьба (которая низводится до уровня масштабного *физического* истребления) объявляется Сталиным «*решающей силой*» победоносного «движения вперед»; от ее расширения и углубления ставится в прямую зависимость «*каждый... сколько-нибудь серьезный успех* в области социалистического строительства». (Курсив мой. - М.К.) В обосновании фронтального перехода к *силовым* методам Сталин ссылается на манипулятивный потенциал ленинского понимания нэпа. «Старым проблемам экономики переходного периода» следует, по его словам, придать «новый облик», т.е., попросту говоря, в их решении «подвести черту». Под предлогом пресечения троцкистской «болтовни о «расширении» нэпа» Сталин фактически настаивает на *сворачивании* этой формы «смычки рабочих и крестьян» и отдает предпочтение прямому, внеэкономическому принуждению, которое он именует «новыми массовыми формами товарооборота» и «крупнейшим шагом вперед». Все прежние, заимствованные у Бухарина «диалектические этюды» о характере перехода к социализму бесследно исчезают, а вчерашние единомышленники объявляются приверженцами тенденции (правда, еще «не оформленной» и даже не вполне «осознанной») «к отходу от генеральной линии... партии в сторону буржуазной идеологии».

Разумеется, Сталин не мог не отдавать себе отчет в том, что введение

28 См.: Сталин И.В. ОБ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И ХЛЕБНОЙ ПРОБЛЕМЕ. Речь 9 июля 1928 г. // Сталин И.В. Соч. Т.11. С. 175. «Распутывая» его, Бухарин убедительно доказывает, что продуцируемая Сталиным «теория», получившая «полное право гражданства в партии.., смешивает две совершенно разные вещи. Она смешивает известный временный этап обострения классовой борьбы - один из таких этапов мы сейчас переживаем - с общим ходом развития. Она возводит самый *факт* теперешнего обострения в какой-то неизбежный закон нашего развития. По этой странной теории выходит, что, чем дальше мы идем вперед в деле продвижения к социализму, тем больше трудностей набирается, тем больше обостряется классовая борьба, и у самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костями» (Бухарин Н.И. Выступление на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) 18 апреля 1929 г. С. 263 - 264)

«чрезвычайных мер» (против чего последовательно и резонно выступали бухаринцы) вместе с окончательным «разорением» и «вытеснением» мелких предпринимателей, кулаков и других «капиталистических элементов» неизбежно обернется существенным понижением «материального положения большинства крестьянства». Прибегая к арсеналу испытанных форм классовой борьбы, коммунистическая партия под «мудрым» руководством вождя в очередной раз *провоцировала* рост народного недовольства. И «теоретически» предвосхищая его, Сталин пытается придать этой, по выражению Бухарина, «политике военнофеодальной эксплуатации крестьянства» видимость некой закономерности - «рычага реконструкции сельскохозяйственного производства». При этом *формально* он не причисляет себя к разряду тех, кто готов прибегать «к помощи чрезвычайных мер» всегда и во что бы то ни стало. Более того, по его словам, «люди, думающие превратить чрезвычайные меры в *постоянный* или *длительный* курс нашей партии, - *опасные* люди, ибо они *играют с огнем* и создают *угрозу* для смычки. *Ясно*, что чрезвычайные меры нужно рассматривать *диалектически*, ибо *все зависит от условий времени и места*». ¹ (Курсив мой. - М.К.)

Таким образом, во многом копируя ленинские идеологические установки, Сталин на словах также демонстрирует «склонность» к конкретно-историческому (т.е. «диалектическому») подходу. На деле, коль скоро «чрезвычайные условия», диктующие необходимость применения «чрезвычайных мер», задаются планкой постоянно растущей «угрозы» со стороны враждебных социализму внутренних и внешних «сил капитализма», их использованию всегда можно найти оправдание. Поэтому «очень скоро классовая борьба предстала в качестве самоцели, о ее обострении Сталин говорит по нарастающей: в июле 1928 г., в апреле 1929 г., в июле 1930 г., в январе 1933 г., в феврале 1937 г. Открывались все новые и новые ²⁹ «фронты», по мере декларированного приближения к социализму обнаруживалось все больше классовых врагов». ¹

Весьма примечательно и то, что на очередном «переломном» в отечественной истории рубеже Сталин в традиционной для себя манере *на словах* избегает противопоставления колхозов индивидуальным крестьянским хозяйствам и незаметно «эволюционирует» в сторону «единственно правильного» (т.е. однозначного) решения проблемы. Двусмысленность сталинских тезисов может «конкурировать» только с образцами мышления типа «бернштейнианского ревизионизма». Ведь, если исходить из того, «что индивидуальное крестьянское хозяйство все же представляет известную выгоду» и будет играть «*преобладающую роль*» и «*в ближайшем будущем*», то

²⁹ Сталин И.В. О правой опасности в ВКП (б). Речь на Пленуме МК и МКК ВКП (б) 19 октября 1928 г. // Соч. Т11. С. 173, 175.

следовало бы сделать вывод, что его собственная позиция принципиально не отличается от бухаринской. Но тогда, спрашивается, каким образом еще только *формирующиеся* колхозы способны «оказывать помощь индивидуальному крестьянину», «дополняя» этот *тип* хозяйства? Ведь они сами нуждаются в такой «помощи». И тогда, следовательно, государство должно сделать выбор - кому же из них помогать? Фактически, такой выбор был сделан «априорно» и об этом Сталин заявляет уже через год (апрель 1930 г.): «Советская власть будет оказывать колхозам льготы и преимущества *перед единоличными хозяйствами*». (Курсив мой. - М.К.) Рассматривая колхозное строительство как «высшую форму кооперации», Сталин, вопреки своим заверениям, приходит к *противопоставлению* ее индивидуальным крестьянским хозяйствам. Но *в отрыве от них кооперация вообще теряет всякий позитивный смысл и превращается всецело в ущербный инструмент директивного регулирования экономики*.

Кооперативное движение, по мысли Сталина, *предваряет* организацию колхозов. Более того, оно «есть подготовка перехода крестьянства к коллективизму», а не его непосредственное выражение. Оказывается, помимо всего прочего, колхозам Сталин отводит и главную воспитательную роль в переделке якобы «мелкобуржуазного» по своей классовой природе общественного сознания российских аграриев. Как будто бы за сотни лет общинно-трудовой практики российское крестьянство обходилось без такого «коллективизма»! «Коллективистом», по мнению Сталина, может быть только производитель, *лишенный* индивидуальной собственности на средства производства. Вряд ли сегодня имеет смысл доказывать, что сталинские представления о ³⁰

«коллективизме» вообще и применительно к крестьянской психологии, в частности, воспроизводящие все ставшие традиционными ошибки ортодоксального марксизма, явились весомым тормозом социально экономического развития страны, не преодоленным в общественном сознании, к сожалению, еще и сегодня.

Интересно отметить, что сталинская логика, отвергающая «психологию самотека как вредную и опасную вещь» в социалистическом строительстве, вполне допускает «*насаждение кооперативной общественности*» без *принуждения*, т.е. как бы «по взаимному согласию сторон» и, разумеется, исключительно во благо еще не ведающих об этом крестьян с отсталой, «индивидуалистической психологией». Предположение о том, что для формирования

социалистических общественных отношений можно вполне обойтись и без «насаждения колхозов и совхозов», Сталина, разумеется, устроить не может, ибо тогда утрачивается рычаг партийного диктата, «единственно правильную линию» которого, по его глубокому убеждению, надо доводить до логического завершения; то, что при этом неизбежно «теряется чувство меры» и возникают «перегибы» (абсурдные формы ее воплощения) *не может служить основанием* для того, чтобы **«отменить эту самую правильную политику»**.

Получается, таким образом, что, если партия не в состоянии *предотвратить* «перегибы в проведении *правильной* политики», она вынуждена принимать их как нечто неизбежное, санкционируя *перманентную «борьбу»* с ними. Иначе говоря, Сталин *программирует* «перегибы» и возводит их в ранг *общего направления социальной политики партии*. Полную абсурдность такого рода «правильной политики», невозможной без «перегибов», он, естественно, «маскирует» своей приверженностью марксистской идеологической теории, но фактически прибегает к тому, что на «языке» диалектической логики именуется софистикой (т.е. «обычным приемом оппортунистов»). Софистика же, как известно, *уводит* от истины, а не ведет к ней. Можно ли, например, объяснить случайностью (или происками «классовых врагов») утрату «способности понимания действительности» и увлечение «чиновничьим декретированием колхозного движения», когда, по словам Сталина, «показная работа поглощала... работу деловую»?

С его точки зрения причина «насаждения колхозов в *принудительном* порядке» банально проста и выражается в несоблюдении *уже намеченных* сроков коллективизации. Но «главным тормозом колхозного движения» как раз и являлось декретирование на основании постановления ЦК «О темпе коллективизации и мерах помощи колхозному строительству» от 5 января 1930 г. Планируя *сроки* «быстрого темпа колхозного движения», Сталин от имени партийного «штаба» громогласно провозглашает, что речь идет «о законах наступления на фронте классовой борьбы» с кулачеством. В классовой борьбе, по его убеждению, хороши все средства, если они способствуют решению поставленной цели. «Ошибки и искривления «левых» загибщиков» порождены, следовательно, не тем, что они ведут «неправильное» наступление, не понимая его «классовой природы», а, напротив, именно тем, что для них, как и для Вождя, догматизированные идеологические установки неизмеримо приоритетнее принципа *экономической* целесообразности. Если руководствоваться последним, то придется переходить на позиции «правого оппортунизма», а «правая опасность была... и остается главной опасностью».

В этой ситуации выбора между логикой здравого смысла (сопряженной с «правой опасностью») и сохранением «генеральной линии», чтобы не допустить *формальной* «дискредитации партийного руководства», Сталин жертвует идейно преданными ему «головотяпами». Тем самым партия и доказывает, по его словам, «что она обладает *достаточной гибкостью* для преодоления *таких* трудностей». (Курсив мой. - М.К.) Впрочем, к подобным «искривлениям партийной линии в деле колхозного строительства» Сталин в глубине души не мог не относиться достаточно снисходительно, хотя, в соответствии с особенностями его натуры, это не служило поводом для угрызений совести в практике ритуальных «жертвоприношений». С присущим ему хладнокровием он подвергал практику «левых загибщиков» публичному порицанию, инициировал по отношению к ним карательные меры и объявлял о том, что они «являются объективно союзниками правых уклонистов». От «головотяпов», которые «в пылу увлечения» только начали «соскальзывать с правильного пути», и требуется-то только, чтобы они «отступили от своих ошибок»... на *фактически игнорируемые* самим Сталиным (но озвученные им!) «позиции ленинизма».

Осуждая в своей статье «Головокружение от успехов» «искривления» в проведении коллективизации (выражающиеся, в том числе, в организации «бумажных колхозов, которых еще нет в действительности»), он, однако, относит тот «факт, что на 20 февраля с.г. уже коллективизировано 50% крестьянских хозяйств» к числу «*великих успехов*», *доказывающих*, «что **коренной поворот деревни к социализму можно считать уже обеспеченным**». Поскольку, «не говоря уже о *прямых практических результатах*, они, эти успехи, *имеют громадное значение* для внутренней жизни самой партии, *для воспитания партии*», ставилась задача «**закрепить** достигнутые успехи и планомерно **использовать** их для дальнейшего продвижения вперед».³¹ (Курсив мой. - М.К.) «Противоречивые положения статьи, - отмечает В.З. Роговин, - оставляли открытым основной вопрос, вставший перед партийными организациями: следует ли менять политику в деревне или же «закреплять» ее»... Как и следовало ожидать, сразу же после появления статьи «Головокружение от успехов» массовый прилив в колхозы сменился столь же массовым отливом. В результате того, что поспешно организованные колхозы распускались весной, когда начинался сев, уже летом 1930 года во многих сельских местностях возник голод».³²

Многочисленные логические неувязки в сталинских рассуждениях, достаточно

31 Сталин И.В. Головокружение от успехов. *К вопросам колхозного движения* // Вопросы ленинизма. С. 331.

32 Роговин В.З. Указ. Соч. С. 143, 145.

хорошо различимые на фоне непрекращающихся «перегибов», Бухарин совершенно справедливо квалифицировал как вращение в «порочном круге». Однако трагедия в том, что Сталин не только не ставит вопрос о том, «как из этого порочного круга выйти, *какими мерами* из него вырваться», но настойчиво продолжает «ковать» его новые звенья.

Разоблачая «буржуазные предрассудки» в области политической экономии и не будучи «теоретиком» кооперативного движения, Сталин, тем не менее, выступает «пророком» (А.В. Чаянов) колхозного строительства. Как разработчик «аграрной политики в СССР» и непримиримый критик «засоряющих головы буржуазных теорий» он допускает грубейшую ошибку, разделяя традиционные иллюзии ортодоксальных марксистов по поводу того, что крестьянина «приковывает» к его индивидуальному хозяйству только наличие *частной* собственности на землю. По мнению Сталина, «очевидно», что именно этим обстоятельством можно объяснить указание Энгельса на *постепенность* перехода к коллективному ведению хозяйства.³³ Национализация земли в СССР, таким образом, *как бы освобождает* от необходимости подобной «преувеличенной осмотрительности», но этот аргумент «странным образом» не находит подтверждения в «антинаучных, - по выражению Сталина, - теориях «советских» экономистов типа Чаяновых». Между тем, репрессированный, а затем и расстрелянный в 1937 г по указанию Сталина (вместе с Н.Д. Кондратьевым, Л.Н. Юровским, Л.Н. Литошенко, А.В. Тейтелем), А.В. Чаянов, причисляемый к разряду «идеологов кулацкого хозяйства», воспроизводит в своих работах лишенный конформизма и конъюнктурных колебаний подлинно научный подход к решению аграрного вопроса.

Его основой выступает опора на трудовое крестьянское хозяйство, «живучесть» и «устойчивость» которого (не дававшие в свое время покоя Ленину) вызывают теперь еще большее неприятие у Сталина. «*Нетрудно* понять, - заявляет он, - что такая «устойчивость» *хуже всякой неустойчивости*», ибо «эта антимарксистская теория имеет своей целью лишь одно: *восхваление и упрочение капиталистических порядков, разоряющих* миллионные массы мелких крестьян».³⁴ (Курсив мой. - М.К.) Будучи непревзойденным мастером провокаций, идейным вдохновителем и организатором собственной, по выражению Троцкого, «школы фальсификаций», Сталин до неузнаваемости извращает смысловую направленность аргументов своих оппонентов. Чаянов не только *не «восхваляет* капиталистические порядки», но

33 См.: Энгельс Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. М., 1953.

34 Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР // Вопросы ленинизма. С. 312.

безукоризненной логикой изложения доказывает иллюзорность «упрочения» их в виде «организующей силы капитала».

Выявляя логику концентрации труда и собственности в эволюции капиталистического общества, он отнюдь не опровергает Маркса, а лишь указывает на *существенное видоизменение* представленных в этой логике долговременных тенденций в земледелии по *форме* собственности. История как бы «умеряет» всепожирающие «аппетиты» монополистического капитализма «игрой имманентных законов самого капиталистического способа производства», когда безудержная «централизация капиталов» становится, по выражению Маркса, его «оковами». При этом Чаянов и не скрывает парадоксальности формулируемых им выводов, но именно поэтому они в полной мере *соответствуют* сталинской рекомендации «уметь различать между *буквой* и *сущностью* марксизма, между *отдельными* положениями и *методом* марксизма»³⁵ (Курсив мой. - М.К.)

В свою очередь, сталинский «вклад» в экономическую теорию наглядно проявился в вопросе о мнимых преимуществах «крупных зерновых фабрик в 40 - 50 тысяч гектаров», якобы, опровергающих «возражения науки». В аграрном секторе сформировавшейся т.н. затратной модели экономики государство периодически списывало нараставшую задолженность убыточных сельскохозяйственных предприятий, но лишь затем, чтобы вновь перекладывать на них пресс безвозмездного изъятия прибавочного продукта. Предоставляя, образно говоря, одной рукой, «трудящимся массам крестьянства систематическую и длительную **производственную** помощь» в виде создаваемых машиннотракторных станций, другой рукой Советская власть забирала все, что считала нужным. «Товарность» и «устойчивость» сельскохозяйственного производства, достигаемые внеэкономическими методами принуждения (т.е. за счет «рентабельности»), выдавались, таким образом, за коренное преимущество «нового, **социалистического** пути развития», выразившееся в переходе «от мелкого и отсталого **индивидуального** хозяйства к крупному и передовому **коллективному** земледелию». И, напротив, в тех отдельных случаях, когда председатели колхозов и директора совхозов действительно добивались впечатляющих успехов «в области производительности труда», «в развертывании **творческой инициативы** и могучего **трудового подъема**», их по необходимости «экспериментаторская» деятельность не вписывалась в структуру и механизм социалистических методов хозяйствования, зато с завидным постоянством подпадала под статью Уголовного Кодекса и решительно пресекалась.

35 Сталин И.В. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ «О СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ УКЛОНЕ В НАШЕЙ ПАРТИИ» 3 ноября 1926 г. // Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 305.

Выступая за «частичную» и дифференцированную кооперацию, а не «полную», «сплошную» или «столбовую» коллективизацию, Чаянов и раскрывает ретушируемые Сталиным причины того, почему в капиталистических странах «не прививается» гигантомания, и секрет той легкости, с которой кооперативные предприятия «могут ограничиваться минимумом прибыли» или вообще *обходиться без нее*. «Само построение кооператива, - отмечает он, - определение выгоды или невыгоды его действий... измеряется *не стремлениями к получению максимальной прибыли* на вложенный в предприятие капитал и *не интересами кооперативного учреждения*, как такового, но *трудовыми доходами членов*, получаемыми ими через кооператив, и интересами их хозяйств. Кооператив будет *весьма полезен*, если он даже вовсе *не будет приносить никакой чистой прибыли* как предприятие, но зато увеличит доходы своих членов. Мы склонны утверждать, что *кооператив вообще ни в каких случаях не может понести убыток как таковой*.¹ (Курсив мой. - М.К.) Однако непременным условием его эффективной работы, подчеркивает далее Чаянов, является особый «способ управления», ибо ³⁶ «конструкция, свойственная государственному аппарату, совершенно противоречит основной природе кооперативной организации». Сформулированный им «основной кооперативный организационный принцип», сводящий на нет «монизм единой руководящей воли центра» был, разумеется, заведомо неприемлем для «генеральной линии партии».

Таким образом, «спор о «столбовой дороге» социалистического развития деревни», благодаря непосредственному и *некомпетентному* вмешательству Сталина, действительно, превратившийся в «схоластический», завершился *декретированием* колхозов. Номинально закрепляемая за ними «кооперативно-колхозная» форма собственности становилась фиктивным придатком государственной, так как не обеспечивала правовых гарантий самостоятельности предприятий ни в сфере производства, ни в распределении и потреблении произведенной продукции.

Допущенные теоретические ошибки многократно усугубились практикой применения чрезвычайных мер, которым Сталин дает положительную оценку. По его словам, эти меры не только «спасли страну от общехозяйственного кризиса», но и способствовали «политическому просвещению», мобилизации и организации «бедняцко-средняцкой массы против кулачества». На июльском 1928 г. пленуме ЦК ВКП(б) он оправдывает «силовую аргументацию», названную им «уральско-сибирским методом хлебозаготовок» (используемым по его прямому указанию в том числе и против середняка), отсутствием валютных резервов. Но этот «аргумент» был более

³⁶ Чаянов А.В. Указ. Соч. С. 214 - 215.

чем спорным. Претенциозность и цинизм сталинской позиции в полной мере проявились тогда, когда на апрельском 1929 г. пленуме он остановился на вопросе о целесообразности импорта хлеба *в кредит* и озвучил причины *отказа* от него.

Выдвинутый Сталиным *главный* довод в обоснование «ошибочности» варианта получения хлеба в кредит свидетельствовал о желании правящего режима доказать свою дееспособность (олицетворяющую жизнеспособность социалистической системы), «упрочив» ее «международное положение» даже ценой обнищания и вымирания собственного народа. Продемонстрировав *«должную стойкость и выдержку»*, эта политика была, по словам Сталина, «единственно правильной» еще и потому, что были «открыты» внутренние (за счет изъятия т.н. «излишков») *«новые возможности* получения хлеба», с помощью которых одновременно «подрывались» основы «хозяйственного и политического усиления кулачества». Сталинское «рацпредложение», таким образом, заметно «упростило» решение проблемы, правда, «облегчив», тем самым, не столько снабжение населения хлебом, сколько подавление правого уклона во внутрипартийной борьбе.

В этой связи нельзя, на мой взгляд, согласиться и с мнением В.З. Роговина о том, что предложения «текущих мер по преодолению продовольственного кризиса» и, в том числе, закупки хлеба за рубежом в кредит со стороны правой оппозиции «не представляли серьезной альтернативы сталинской политике», а «экономическая часть программы Бухарина не была достаточно убедительной». Роговин пишет о том, что отстаиваемый Бухариным курс на «сочетание колхозного и совхозного строительства с подъемом индивидуальных бедняцко-средняцких хозяйств... в то время не оспаривался в принципе Сталиным и идущими за ним членами Политбюро».³⁷ Но в том-то и дело, что эта, рассчитанная «на долгие годы перспектива» принималась сталинской фракцией лишь до объявленного Вождем «коренного перелома на всех фронтах социалистического строительства», а затем была успешно «похоронена» в экстазе «решительного наступления на капиталистические элементы города и деревни».

Раскрывая причины массового «искусственного голода» 1932/33 гг, В.З. Роговин *de facto* сам приходит к выводу о надуманности сталинских доводов в пользу растущих темпов экспорта хлеба ради обеспечения программы индустриализации. «Необходимость экспорта зерна сталинское руководство, - отмечает он, - мотивировало тем, что *только таким путем* можно расплатиться за заказы машин и оборудования. Однако СССР расплачивался за машины не только хлебом. Более того,

³⁷ Роговин В.З. Указ. Соч. С. 100.

*хлеб не был в годы первой пятилетки главной экспортной статьёй. Даже в 1930 году, когда удалось получить наибольшую выручку за экспортируемый хлеб (883 млн. руб.), продажа нефтепродуктов и лесоматериалов дала 1 млрд. 430 млн. руб., пушнины и льна - еще почти полмиллиарда. В дальнейшем, в условиях охватившего все капиталистические страны экономического кризиса, цены на зерно резко упали на мировом рынке. Выручка за проданное в 1932 - 33 годах по демпинговым ценам зерно составила всего 369 млн. руб., тогда как за нефтепродукты и лесоматериалы - 1400 млн. руб. В 1933 году выручка от экспорта зерна составила лишь 8% от общих экспортных доходов. Между тем и половины проданного в 1932 - 33 годы зерна хватило бы, чтобы спасти все районы страны от голода».*¹ (Курсив мой. - М.К.)

Нежелание Сталина и «большинства Политбюро» использовать резервы хлеба прежде всего для обеспечения *внутреннего* потребления нельзя, следовательно, без искажения истинного положения дел, объяснить необходимостью «сохранить валюту для ввоза оборудования». Для решения комплексной задачи модернизации страна располагала набором уникальных по ассортименту природных богатств, преимущественно на основе экспорта которых она, к сожалению, продолжает развиваться и сегодня. Сталин, кстати говоря, ничуть и не скрывает, что «с этой стороны, со стороны природных богатств, мы обеспечены полностью. Их, - по его словам, - у нас даже больше, чем нужно».² (Курсив мой. - М.К.) Но если это так, то какой поистине неумной жадной властолюбивых аппаратных амбиций надо было обладать, чтобы в период массового голода настаивать на пополнении доходной части госбюджета за счет перегонки зерна на водку!

Введенная по инициативе Сталина и узаконенная Постановлением ЦК и СНК от 25 августа 1925 г. государственная водочная монополия была, по его словам, «временным средством необычного свойства», - мерой, которая «должна быть уничтожена, как только найдутся в нашем народном хозяйстве новые источники для новых доходов на предмет дальнейшего развития нашей промышленности».³ Вопреки заверению в направленности теперешней политики на то, «чтобы постепенно свертывать производство водки», Сталин в письме к Молотову в сентябре 1930 г. подчеркивает обратное: «Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки».⁴ Даже если принимать во внимание, что государственная монополия позволяет значительно эффективнее (как это очевидно в наши дни) контролировать качество этой продукции, вряд ли можно рассматривать сталинскую директиву, стоившую, по официальным статистическим

данным, 3-4 млн. человеческих жизней, иначе, как «пир во время чумы». «Ни один спиртоводочный завод не был остановлен... В государственные планы закладывалось увеличение водочных доходов. Так, в 1933^{38 39 40 41} году было запланировано дополнительно получить от продажи водки 500 млн. руб.»¹ С помощью «костлявой руки голода», будучи, по определению Ф. Раскольникова, его фактическим *организатором*, Сталин предпринял несколько крестовых походов, «умиротворяя» непокорную деревню.

Не менее разрушительные последствия в практике «реального социализма» имел сфабрикованный им тезис о «социал-фашизме», позволивший навязать международному коммунистическому движению т.н. «теорию третьего периода». Будучи еще более «инстинктивным» (по выражению Г. В. Плеханова) марксистом, чем Ленин, Сталин, очевидно, даже на подсознательном уровне питал ненависть к социал-демократии и, прежде всего, к ее «левому» крылу *как главному конкуренту в борьбе за влияние на рабочие массы*. В принятых под его давлением документах Коминтерна социал-демократы объявлялись пособниками фашистов и, таким образом, исключалась всякая возможность заключения союза между коммунистическими и социал-демократическими партиями с целью создания единого антифашистского рабочего фронта.

«Теоретическим» основанием служило ленинское утверждение о разложении и «крахе II Интернационала». «Такая установка, - справедливо отмечает В.З. Роговин, - была ложной уже в силу того, что никакого «распада» социал-демократии не происходило». Более того, Сталина не устраивал как раз тот факт, что «после раскола II Интернационала социал-демократические партии оставались более многочисленными и более влиятельными, чем коммунисты, партиями в большинстве стран Западной Европы».² Испытав на себе всеокрушающую мощь сталинского вероломства, Л.Д. Троцкий, однако, был далеко не единственным, кто догадывался о подлинных его намерениях: *сначала руками немецких фашистов уничтожить европейскую социал-демократию, а затем использовать установившуюся фашистскую диктатуру, неизбежно ведущую к новой мировой войне, для активизации рабочего движения за «диктатуру пролетариата» на международной арене*.

Эта тема стала благодаря Троцкому общеизвестным местом в критике

38 Роговин В.З. Указ. Соч. С. 336.

39 Сталин И.В. О ЗАДАЧАХ ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ. // Вопросы ленинизма. С. 357.

40 См.: Сталин И.В. БЕСЕДА С ИНОСТРАННЫМИ РАБОЧИМИ ДЕЛЕГАЦИЯМИ 5 ноября 1927 г. // Соч. Т.10. С. 232 - 233.

41 История СССР 1990. № 4. С. 17.

сталинизма уже с начала 30-х гг. Но вся трагедия в том, что нынешних «твердокаменных» ортодоксальных марксистов история «ничему не научила». Социал-демократия для значительной части российских коммунистов и сегодня продолжает оставаться если не синонимом фашизма, то, по определению Сталина,^{42 43} «главной опорой капитализма в рабочем классе». Даже отказавшись от ультралевого политического курса в международном рабочем движении, КПСС не подвергла критической оценке и публичному осуждению нанесенный им колоссальный идеологический ущерб в плане дискредитации социалистической идеи.

И если Ленин был в первых рядах тех, кто положил начало расколу международного социал-демократического движения, то Сталин его до крайности углубил, расширил и укрепил, «успешно» превратив, как и все свое идейное наследие в целом, в непререкаемую догму.

42 Роговин В.З. Указ. Соч. С. 336.

43 Роговин В.З. Указ. Соч. С. 349, 351.